

ствовать на свои и мировые дела. Почему? Потому что и Китай, и Индия, да и Бразилия — зависимые поставщики товаров и услуг на рынки развитых стран Запада и Японии, как и Россия — в реальности пока поставщик энерго- и сырьевых ресурсов своим европейским партнерам. Все они вовлечены в глобальную финансовую надсистему, которую могут, наверное, сильно пошатнуть и даже обрушить благодаря накопленным в последние годы валютным резервам, но которой они не могут управлять. Остается пока двигаться прежним курсом с более или менее умелыми корректировками.

Бывшие республики СССР, некогда «второй мир», отыграли тот раунд по наихудшей — деиндустриализация стихийнее и куда разрушительнее, чем в «ржавом поясе» Питтсбурга и Глазго, наряду с финансовой и коррупционной ловушкой, подобной третьему миру.

Китай, Бразилия, Индия да, в общем, и Россия, а тем более Евросоюз и Япония не выдвинули никакой серьезной альтернативы гегемонии США. Активы в долларах они не только не сбросили, но даже и скупали. Возникли некоторые полные дипломатически неясных намеков разговоры о многополярности, о социальной ответственности, необходимости регулировать финансовые рынки. Это свидетельство внутреннего недовольства элит многих стран мира, но это не новый миропорядок и даже не оппозиция существующему.

Предчувствие «перемен»

Впрочем, в одночасье сильной реалистичной альтернативы возникнуть и не могло. Поглядите сами, последнее поколение крупных мыслителей, больших идей, стиля и «драйва» осталось в 1970-х годах. Тогда в общественной жизни содержался колоссальный заряд эмоциональной творческой энергии, от рок-музыки до конфликтного видения мира Раймона Арона или Иммануила Валлерстайна. (Если СССР пропустил семидесятые годы в застое, то они у нас аукнулись позже, в кратком всплеске публичной энергетики времен гласности.)

Вполне вероятно, такое положение дел меняется как раз сейчас. Преодолев финансовый кризис, Запад остался с кризисом социальным — мои американские и европейские студенты не находят ожидаемой работы, и теперь не ясно, найдут ли вообще. В других зонах мира ситуация может оказаться много хуже. Смутная пока потребность в переменных пронизывает мировую дискурсивную сферу. Так что, может, и будут возникать идеи и полемические столкновения. Но пока хорошо бы разобраться с нашей недавней предысторией и происходящим, чтобы не пережить катастрофических разочарований, как с «новым мышлением» времен такой поначалу оптимистической перестройки. ■

Специально для РЖ

ПО ТУ СТОРОНУ ИМИТАЦИИ

Борис Межуев

Новая книга российского политолога и религиоведа **Дмитрия Фурмана** «Движение по спирали» посвящена двадцатилетней истории демократического эксперимента на территории России. Начало этому эксперименту положили реформы Горбачева, который дал добро на отход Коммунистической партии от тотального управления политическим процессом и на относительно свободные выборы в представительные органы власти. Между тем революционный и нелегитимный характер свержения самого Горбачева, осуществленный по инициативе лидеров суверенной России, прервал естественный транзит государства в сторону демократии. Ельцин и его окружение уже не могли отойти от власти, доверяясь свободному волеизъявлению избирателя, по мере вхождения в 1990-е они все в большей и большей степени закрывали для себя и для страны всякие иные альтернативы помимо укрепления авторитарной модели власти и маргинализации оппозиции.

Хотя в книге много суровых слов сказано по поводу преемников Ельцина и еще более по поводу самого первого президента России, **острие критики автора направлено в сторону тех демократов, кто в 1990-е настаивал на праве президента нарушать закон и Конституцию**, а уже в «нулевые» стал рядиться в одежды защитников демократии. Хоть жираф был неправ, но виновен, как известно, не жираф, а тот, кто кричал о его величии и гениальности. Фурман недоволен современной российской политической системой, но он справедливо опознает в большей части сегодняшних критиков этой системы ее подлинных творцов, тех наших «демократических авторитетов», кто все начало 1990-х требовал от лидера страны подмять под себя парламент и Конституцию.

В своих обличениях Фурман беспощаден и точен. Прав он и в том, что сравнивает нашу политическую модель с аналогичными, как он их называет, **имитационно-демократическими** моделями в странах СНГ и вскрывает их явное сходство, хотя обращает внимание и на имеющееся различие — в России постельцинского периода действующий президент не пролонгировал на неопределенный срок свое пребывание на вершине власти. Вместо наследственного президентства в России возникла тандемократия, а вместе с ее появлением забрезжила надежда на новый круг по спирали «демократизации». Впрочем, Дмитрий Фурман говорит об этих надеждах в книге очень неопределенно, в конце концов читатель остается с ощущением, что новый виток обеспечат не столько добрые намерения нынешнего главы государства, сколько фундаментальное противоречие между всеобщей, казалось бы, преданностью демократии и столь же всеобщим к ней равнодушием.

Окончание на стр. 24

ПО ТУ СТОРОНУ ИМИТАЦИИ

Борис Межуев

Рецензия на книгу: Фурман Д.Е. *Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем* (М., Весь мир, 2010).

Окончание. Начало см. стр. 23

Когда-нибудь формальный ритуал выборов обернется реальной конкуренцией реальных политических антагонистов с неопределенным для всех действующих лиц исходом.

***

Что, на мой взгляд, отсутствует в модели Фурмана, что она оставляет за рамками рассмотрения? Фурман один из немногих в России людей, кто искренне и бескорыстно предан демократии. Демократия для него значима сама по себе, а не в качестве средства для достижения иных целей, скажем, для защиты бизнеса и медиасреды от произвола чиновничества или же в качестве механизма демилитаризации нации. Честно сказать, эта позиция не так уж популярна в России, в том числе и в либеральных кругах.

Фурман явно не замечает, что тот элемент «имитационности», который имеется в российской демократии, обусловлен не только ошибками и преступлениями властей, но и серьезным дефицитом в понимании того, а зачем она, демократия, так уж нам нужна. Тем более, если она несет с собой катаклизмы, бедствия, беспорядки, и уж совершенно определенно — неуверенность в завтрашнем дне.

Попытаемся встать на точку зрения тех самых псевдодемократов, кто в 1993 году после победного для Ельцина референдума советовал ему действовать без оглядки на Конституцию и парламент. У власти, говорили эти люди, находится глава государства, имеющий поддержку своего народа, он проводит важные преобразования, и на каком основании меньшинство страны позволяет себе вставлять ему палки в колеса? Ровно ту же самую аргументацию можно обра-

тить и против тех, кто настаивает на демократических преобразованиях сегодня: если лидеры нашей страны популярны, на каком основании кто-то может им мешать? Если все так, то не выглядит ли в этом случае парламентская демократия в западном понимании своего рода объектом Cargo-культы. У нас есть вождь, и он нам нравится; когда он нам перестанет нравиться, мы его постараемся свергнуть — вот и вся мудрость. Зачем нам демократия?

Дмитрий Ефимович должен согласиться, что эти аргументы, которые он наверняка слышал много раз, имеют свои резоны. Демократия потому и не приживается в «третьем мире», что эту с виду примитивную (и примитивную на самом деле) линию рассуждений очень сложно опровергнуть. И, кстати говоря, сторонники этих взглядов вполне искренне считают себя демократами: они ведь защищают не тиранов, но вполне популярных в народе руководителей. Вот если бы они ратовали за власть нелю-

бимых нацией деспотов, то вот тогда имело бы смысл упрекать их в недемократизме.

***

Вот эта логика политического архаизма никем серьезно не была опровергнута. А опровергнуть ее можно в том лишь случае, если возникает сознание того, что любая власть, даже власть добродетельная и популярная, требует ограничения со стороны писаного закона и охраняющих этот закон народного представительства и высшего судебного органа. И сделаем еще один рефлексивный шаг — понимание необходимости такого ограничения возникает исключительно в ситуации осознания некоей изначальной порочности, греховности власти. Не какой-либо конкретной власти, а власти как таковой. Что требует либо очень специфических религиозных предпосылок (то бишь чего-то подобного европейской Реформации), либо хронологического соотнесения демократического эксперимента с национальным освобождением.

Поэтому, в отличие от автора этой замечательной книги, я думаю, что демократия в Россию могла бы прийти только на волне какого-то национального самоопределения. Самоопределения, требующего сразу же и принципиально не смены господина — плохого на хорошего, но отказа от внешнего господства как такового. А следом за этим и создания полноценного демократического общества свободных людей, нехотя и по крайней необходимости вынужденных терпеть над собой какую бы то ни было власть, причем только ту, что послушна закону и ограничена парламентом. ■